

БЫТЬ ВЕРНЫМ МЕЧТЕ

В ПЕРВЫЕ мы услышали о студии молодых актеров в мае прошлого года. Студия давала свой первый спектакль в помещении театральной школы при Московском Художественном театре. Помещение это маленькое, учебное: комната, несколько побольше обычной, и в одном из углов ее — занавес, огораживающий «сцену». Зато необычным было все остальное: время, в которое шел спектакль, — он начался около часа ночи — и, главное, состав актеров. Программ ни у кого не было, но в зале сидели собравшиеся по профессии и близкие друзья, поэтому процесс узнавания был почти мгновенным. Вот Светлана Мизери — молоденькая актриса МХАТ; вот Лилия Толмачева — она из театра Моссовета; Галина Степанова, Антонина Елисеєва, Геннадий Печников — из Центрального детского...

Фамилии назывались больше для порядка. Как оказалось в антракте, почти все знали заранее, кто кого будет играть. В антракте стало ясным и другое: то, что мы принадлежали к числу немногих, незнакомых с предисторией ночного представления. Для нас это был просто спектакль по пьесе В. Розова «Вечно живые». Для участников и для большинства зрителей в эти часы решался вопрос: быть или не быть студии молодых актеров?

И, как всегда, когда волнение окружающих искренне, оно захватило и нас. Нам тоже очень хотелось удачи, непременной удачи для выступающих. И вот, когда пьеса была сыграна, всем стало ясно: студия будет жить!..

Прошел год. В Москве появились афиши: «Студия молодых актеров. Премьера — В. С. Розов «Вечно живые». Спек-

такль в 2 действиях, 6 картинах (новая редакция)».

Так, значит, все-таки добились своего! Настоящей премьеры в настоящем театре, с афишами и программками, с билетами, продающимися в кассе! Но почему так долг был путь от первого показа до этого, официального? Ведь и тогда все понимали, что спектакль есть, что надо лишь доработать отдельные детали его. Недоумение рассеялось, когда мы пришли в театр, когда поднялся занавес и мы перенесли в обстановку действия пьесы В. Розова.

...Далекий сибирский город. Война. А у Антонины Николаевны Монастырской празднуют именины. Ну что же, именины есть именины. Но почему так странно проходят они? Невесело начинаются и еще печальней кончаются. Потому что война — не до веселья? Да, потому, что война. Но для Антонины Николаевны она страшна не гибелью людей и всеобщим бедствием. Ей жаль... мебели, оставленной в Ленинграде, легкой, красивой, удобной жизни. От этого и печаль.

И в том же сибирском городе, в то же время другой день рождения — Володи Ковалева. Он приезжает к своей матери прямо из госпиталя, не предупредив ее, — хочет сделать сюрприз. Но ее не оказалось дома, и Володю принимают соседи по квартире (тоже эвакуированные, как сама Ковалева). И вот случается так, что они узнают от Володи о гибели близкого им человека.

Две сцены — они контрастны. Но их внешний контраст, как он ни очевиден, привлекает режиссера. Он строит действие на гораздо более тонком и драматическом противопоставлении: на про-

тивопоставлении мировоззрений. Обывательщина со всем тем разным, что она несет. И жизнь по правде, тоже со всем тем, что она таит: иногда и горе (погиб Борис, который мог и не пойти на фронт, не откажись он от брони) и разочарование (не удалось личное счастье его сестры — Ирины), но главное — ненавистное и естественное сознание поступать «по чести». Без громких слов, красивых фраз — по велению сердца.

И поэтому, когда в скромном по форме, сдержанном спектакле вдруг появляется Юрка — хлебозерка, которую молодая актриса Г. Волчок играет на предельной открытой ненависти к своей героине, мы принимаем ее манеру как должное. Ожиревшая, безобразная, нелепая в своем платье с чужого плеча, она благодаря точности деталей, отмечающих ее поведение, предстает как образ обобщенный. Она из тех, для кого военная страдания — время накопления, время торжества их принципов. Впрочем, только ли торжества? Сцена у Монастырской кончается истерикой Юрки, в исполнении требующей тишины: «Ведь на нервах живешь... на нервах!.. Несу хлеб, а сама оглядываюсь, будто воровка какая!..»

Совсем иначе сделан рассказ Володи, которого на фронте спас Борис — сын доктора Бороздина. Актер Игорь Кваша начинает этот рассказ чуть ли не обыденно. Ему неловко быть в центре внимания. Но потом за этой обыденностью явственно проступают иные черты. Как порой в скромном, незначительном на первый взгляд поступке вдруг раскрывается возвышенный характер человека, так и в рассказе Володи нам

открывается образ целого поколения. Он не вспоминает, он переживает все заново — и свою возможную гибель и, главное, подвиг Бориса. Восхищение, волнение и простота рассказчика роднят его с погибшим товарищем. Мы верим: Володя мог поступить, как Борис, и Борис — рассказать об этом, как Володя.

Мы назвали только двух исполнителей. Но не потому, что нам хочется выделить их талант, — просто образы эти словно впитали в себя всю любовь и ненависть автора. По мастерству же этим молодым актерам не уступают и другие. Мы могли бы назвать почти всех. Например, Е. Евстигнеева — администратора филармонии Чернова, А. Елисеєву — Антонину Николаевну Монастырскую, Г. Степанову — Анну Михайловну, мать Володи, Марку, Ирину, Бориса (Г. Печникова, Л. Толмачеву, О. Ефремова) Вороздиных, их бабу — Л. Студиеву, отца — М. Зимина.

Словом, если подходить к «Вечно живым» с самой строгой меркой, спектакль все равно выдержит испытание. В постановке этой, исполненной строгого реализма, одновременно проявилось все присущее хорошему профессиональному театру и вместе с тем нечто, отличающее именно эту студийскую работу. Это нечто — обостренное чувство современности, заставляющее режиссера О. Ефремова и исполнителей искать социальную основу поступков героев.

Так, посмотрев спектакль, мы поняли, на что ушел год работы этого молодого коллектива: на новую редакцию пьесы и спектакля, который с каждым представлением делался все лучше и лучше. (Мы не говорим о репетиции новых вещей, еще не показанных).

Бытует у нас еще такое выражение: «На одном энтузиазме далеко не уедешь». Дурное выражение. Энтузиазм — прекрасная и порой очень действенная сила. Студия молодых актеров, например, возникла и существует именно благодаря энтузиазму людей — единомышленников в искусстве. Их коллектив подбирался, проходя взаимную проверку. Чтобы состоять в нем, одних способностей мало. Индивидуальность художника — это не только талант. Это еще и знание того, куда талант направить. Это умение защищать, бороться, отстаивать и осуществлять свои идеалы.

В студии нет «свободных» художников — все работают или учатся. Значит, режиссеру и актерам приходилось по ночам и в выходные дни проводить репетиции, отказываясь от предложений (таких заманчивых!) сняться в кинокартине или принять участие в радиопередаче. Но весь коллектив студии шел на это, не думая, что он приносит жертву.

Самые разные человеческие желания руководили теми, кто пришел в студию. Но одно определяло всю атмосферу работы: преданность своей профессии, любовь к искусству, стремление видеть советский театр всегда новаторским, стоящим в первых рядах борцов за коммунистические идеалы. Это была этическая программа студии, нигде не записанная и громко не декларируемая, но оттого не менее реальная и действенная. Творческую платформу тоже не объявляли заранее. И не потому, что не представляли себе, чего хотят. Скорее наоборот. Хотелось видеть свое искусство современным. Найти ритм сегодняшней жизни, характер отношений людей, общую обстановку. Как все это сделать? Ответ надо было искать вместе с драматургом. Без своих авторов студия существовать не могла. Так в ней появился В. Розов. Нам незачем представлять читателям этого драматурга. «В добрый час!» — пьеса, а потом фильм облетели всю страну. Но вряд ли многие знают, что радостному успеху розовской пьесы в Москве в немалой степени содействовали организаторы студии — Анатолий Эфрос и Олег Ефремов. Первый — режиссер Центрального детского театра — поставил «В добрый час!», второй — актер — сыграл в спектакле одну из главных ролей. Не будь этой встречи, во время которой люди узнали друг друга в работе, в творческих устремлениях, первой постановкой студии, возможно, и не были бы «Вечно живые».

Надо было очень верить друг в друга (а без уважения и веры нет никакого коллектива), чтобы держаться раз выбранного произведения. Мы говорим так потому, что «Вечно живые» были в общем недоброжелательно встречены критикой. В. Розову ставили в упрек и неясность замысла и несовершенство его воплощения. Во многом упреки были справедливы. Но все же нельзя было

пройти в пьесе мимо одного, что и привлекло студию. Она была предельно честна, искренна и серьезна. Она позволяла вести со зрителем разговор по большому счету. Что же касается недостатков, то некоторые из них были устранимы. Например, неудачный финал. К сожалению, прежней осталась центральная роль — Вероники. И как ни старается С. Мизери уверить нас в правдивости созданного ею образа, это удается актрисе не очень, несмотря на явные способности...

Вообще, хочется подчеркнуть, что этот спектакль — как он ни хорош — далеко не исчерпывает возможностей студии. Каждый из трех режиссеров ее — своеобразный художник. Олег Ефремов — постановщик веселого и изысканного водевиля «Димка-Невидимка» (в Центральном детском театре), Борис Львов показывал несколько вдумчивых и серьезных спектаклей на сцене театра Советской Армии, где он работает. Что же касается Анатолия Эфроса, то совсем недавно москвичи искренне аплодировали его режиссерскому таланту, сказавшемуся в воплощении «Бориса Годунова».

Наш разговор о студии молодых актеров подходит к концу. Однако, прежде чем заключить его, мы хотели бы привлечь внимание к немалому и вспомнить о выступлении в печати народных артистов Советского Союза Михаила Романова и Игоря Ильинского. Выступления эти трудно переоценить. В них сокровенные мысли больших мастеров, раздумья и тревоги, в них забота о будущем. В чем же оно, это будущее искусства? «Быть верным своей заветной человеческой мечте...», а значит, иметь эту свою большую человеческую мечту, иметь в душе то, о чем хочется сказать людям.

Такая мечта, согретая любовью к советскому искусству, есть у молодежи, сохранившейся в студии молодых актеров. Она заслуживает внимания, поддержки и, как всякое искреннее дело, бережного отношения.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

28 мая 1957 г.

3 стр.